

Юрий КАРЯКИН,

ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИЦИСТ:

«Я НОГТИ ОБЛОМАЛ, ЦЕПЛЯЯСЬ ЗА КОММУНИЗМ»

— Вы, Юрий Федорович, были среди тех интеллигентов, что сразу откликнулись на обнадёжившую всех нас перестройку, активно включились в политику. Неужели легко было отбросить старые убеждения? Или марксистско-ленинское мировоззрение задело вас не столь глубоко, как других?

— Легко? Изменение убеждений — долгая, мучительная внутренняя работа. Это — мука. Представьте: верил во все, и вдруг оказывается, что все не так. У нас, у моего поколения, как будто была какая-то задвижка свинцовая внутри — факты бесспорные, очевидные, а не проникают, не пробивают. Для человека, каким был, скажем, Эйштейн, достаточно, например, одного факта, что какой-то электрон «не туда» полетел, и вся теория у него меняется. А у нас чем убедительнее факты противоречат первоначальной установке, тем крепче мы за нее цепляемся — якобы исключения подтверждают правило. Эти «прелести» марксизма-ленинизма я на своей шкуре испытал. Изменение моих убеждений — это очень тяжкий путь осознания моих заблуждений, моего соучастия в преступлениях (незнание не оправдывает) и мое покаяние, мой самоанализ.

— А как насчет верности идеалам? Часто можно услышать: ах, он, подлец, раньше-то что говорил? А теперь поменял свои убеждения, как перчатки, — был верным ленинцем, а сейчас клеймит социализм. Да можно ли ему верить?

— Начнем с того, что все апостолы изменили свои убеждения — Павел, Петр, Савл... Августин Блаженный написал исповедь об изменении своих взглядов. Федор Достоевский писал: «Вы говорите, что нравственно лишь поступать по убеждениям. Но откуда же вы это вывели? Я вам прямо не поверю и скажу напротив, что безнравственно поступать по своим убеждениям (...) Недостаточно определять нравственность верой своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна — Христос».

Изменение убеждений — закон жизни. Не перед силой тут капитуляция — перед жизнью.

— А если человек по-прежнему хочет видеть в жизни только то, что отвечает его представлениям о ней?

— Начинать надо с любимого мною образа Маугли. Мы — мауглята. Только у Киплинга есть одна единственная, но существенная ошибка. Если человек в нежном возрасте попал в стаю, он никогда человеком не станет. Мы были в стае.

— Но ведь не все же!

— Да, были редкие исключения: Кома Иванов, Сергей Аверинцев... Тут свою роль играли семья, культура, традиции... Помню, о каком-то постановлении ЦК КПСС Ахматова спросила: «А кто такой чека?» Они были вне системы. А когда ты в ней...

Я, например, не знал, что моего отца выгнали из партии и не успели расстрелять только потому, что он умер от чахотки в 1935 году. Мать скрывала это до того дня, когда и меня вытурили из этой партии.

— Это было в 1968 году, после вашей речи к юбилею Андрея Платонова, где вы сказали и о травле Солженицына, Неизвестного, Максимова, Коржавина...

— 26 мая я пришел с заседания Московского горкома КПСС, поставил бутылку на стол и сообщил матери и отчиму (а он был мне роднее родного, потому что отца я почти не помнил), что выгнали меня из их партии. Мама пригорюнилась и вдруг дает мне завешание родного отца, которое хранила все эти годы, но не показывала мне, зная мой характер...

— Вот тогда, видимо, вы и расстались со своими коммунистическими убеждениями, с компартией?

— Нет. И это меня не разбудило, хотя я понимал уже, сколько в ней всякой сволочи. Но ведь и прекрасных, искренних людей немало было! Мои, например, родители —

просто павлокорчагинцы были. Помню, когда отчим стал главным распределяющим квартиры в Министерстве авиапромышленности, мы с мамой сразу поняли, что нам уж точно с жильем ничего не «светит». Теперь-то я понимаю, что они были такими, потому что у них род был такой, семья, воспитание, а совсем не из-за коммунизма. Кстати, через некоторое время в партии меня восстановили.

— ...Но как-то отразилось то исключение из партийных рядов на вашей жизни?

— Перестали печатать, сразу же стал абсолютно невыездным. При чем меня еще помиловали, не растерли в порошок, потому что был для них непонятен. Я ведь работал в журнале «Проблемы мира и социализма», в «Правде», а это — номенклатура ЦК. И вдруг такой кульбит выкинул. Может, ошибся товарищ Карякин?

— Но он искренне верит в светлое социалистическое будущее...

— Верил. Искренне. Не додумал, не дознал, не допоял, не до... При том, что для понимания были идеальные условия: я был близок с Солженицыным, Сахаровым, Чуковской, Неизвестным, Любимовым, Высоцким — массой умнейших и талантливейших людей. Я, счастливый в этом смысле человек, — и то с каким трудом выцарапывал из себя веру в социализм.

— Но началось это «выцарапывание» все-таки с двадцатого съезда, с доклада Хрущева о культе личности Сталина?

— Конечно. Потом оно затормозилось. Началась реабилитация Ленина, выискивание забытых «хороших» цитат из него...

Но это я теперь понимаю, а тогда, общаясь с Солженицыным с 64-го года, смел снисходительно думать, что он еще не совсем разобрался в марксизме-ленинизме. Я — профессионал в нем, а вот он — нет, но потом поймет. Это было в моей голове.

Расставание с коммунизмом далось мне диким трудом, я ногти обломал, цепляясь за него.

— Когда же это произошло окончательно?

— Стыдно говорить, но окончательно — когда стал помирать. Тогда, в 90-м, после трех инфарктов подряд, я поехал в Германию делать операцию. В общем, помирать поехал. И вот перед операцией раз-

мышляю... И вдруг мне все стало ясно — просто соединились в одну картину уже готовые ее фрагменты. Я вернулся в Москву и тихо сдал свой партбилет.

— Но если бы ваше здоровье, простите, не ухудшилось так резко, если бы не было перестройки?

— Понятно, что при других обстоятельствах я мог только затормозиться, обратно повернуть уже не мог.

Но ужас в другом. Если я при наилучших условиях, при моей профессии — понимать, причем философски — ни черта не понимал, если на меня влияли, а меня не пробивало, если я «дошел» только к своим 60 годам, то что же вы хотите от других? А в России нас миллионов 10 было. И не у каждого такая судьба и такое счастье, как у меня. Нельзя этих людей травить. Разоблачать нужно тех циничных мерзавцев, которые ни во что не верят.

— Кого вы имеете в виду?

— Идеологическую верхушку КПСС.

— Но и Горбачев тоже был в верхушке. Может, это его беда, что он позже вас и не до конца пришел к пониманию ущербности коммунистической идеологии?

— Думаю, не только беда, но и вина. Но это тоже понятно — возник страх фактов, неосознанный. Ну, не хочется эти факты знать! А нужно.

— Не просто даже переварить, осмыслить все то огромное количество информации, которая свалилась на нас с отменой цензуры. А сопоставить, соединить новые факты с уже известными? И если себя трудно заставить, то как это возможно с другими людьми?

— Это тяжелая, сложная работа, которую никто не хотел делать. Своими собственными руками мы снова отдали людей коммунистам.

— Почему же интеллигенция, которая раньше все поняла и просто валом пошла в политику, не занялась благородным делом просвещения?

— А она занималась самопросвещением. Друг друга просвещали, друг другом восхищались. А настоящей работы в массах не было. Вот и замаячил снова коммунизм с анпиловско-зюгановским лицом.

— Многие, что идут за ними,

совершенно искренне и не без оснований считают, что при социализме им жилось лучше — зарплату не задерживали, колбаса была дешевой. И сколько бы Гайдар и Чубайс ни приводили примеров про очереди и пустые магазины, довода — «а вот я мог тогда накопить денег и купить машину или отдохнуть с семьей на море, а сейчас не могу» — они убедительно опровергнуть не в силах. Чем же лучше сейчас стало?

— Это дьявольски трудно объяснить. На примере всего лишь десяти лет, которые прошли с начала перестройки, ничего не докажешь. То, что жили раньше многие чуть лучше, — это правда. Только ведь вся эта чудотворная жизнь была построена на костях и на крови, если не родителей наших то уж дедов — точно.

Борис Можаяев мне рассказывал, как убили его отца — крестьянина, кажется, директора совхоза. Он, Борис, где-то на Востоке служил в войсках и вдруг узнал, что недалеко от его части находится лагерь, в котором сидит отец. Борис поехал, а там только что рвы, в которых людей пачками расстреливали, забетонировали, под аэродром... Вот реальность тогдашней жизни. А сейчас так же пытаются забетонировать нашу память.

Можно после этого хотеть в социализм? Оставаться коммунистом сейчас, после всего, что произошло за столетие в стране, в мире, в науке, — либо глупость, либо циничный расчет, чтобы захватить власть.

— Думаете, нынешние коммунистические идеологи не такие уж красивые, как хотят показать?

— Я их хорошо знаю. Никто из них в коммунизм не верит. Когда-то Троцкий сказал о Ленине: «Профессиональный эксплуататор отсталости рабочего класса». Блестящая формулировка. И когда Зюганов пишет, что коммунизм будет существовать столько времени, сколько будет бедность, — он правду пишет. Потому что на эксплуатации нежестокости и невыполнимых обещаний рая они и будут постоянно строить свои коммунистические потуги.

И эти коммунисты еще кричат, что никогда не было так плохо, как сейчас. Что за бред? С 1918-го по 1921 год было людоедство, потом с 1929-го по 1932-й — повальный

голод. Спецотряды были по отстрелу беспризорных детей. В 1935 году вышло постановление о расстреле 12-летних... Это — реальность. А я просто помню все «прелести» той еды, не говоря уж об одежах и прочем.

— Для того чтобы сравнить более 70 лет социализма и всего несколько лет после него, нужно как минимум желание. А люди просто хотят хорошо жить, не особо отягощая себя раздумьями. После победы на выборах Жириновского вы крикнули на всю страну: «Россия, ты одурела!».

— И эта фраза полтора года мне «аукалась». А потом из Германии мне прислали целую кучу таких высказываний, в том числе и в стихах... Оказывается, до прихода Гитлера к власти там тоже были люди, теми же словами пытавшиеся остановить безумие народа.

Нация так же ответственна, как и личность. Достоевский и определял народ как коллективную личность в смысле ответственности. Разве немцы не ответственны за фашизм? Но они действительно покаялись. Когда я жил там четыре месяца, я все это перечувствовал.

— Юрий Федорович, выходит, чтобы нация поняла все, покаялась, она обязательно должна подойти к краю пропасти? Только смертельный удар может отрезвить?

— Я прихожу к такому выводу. Наш Дом горит, а мы все еще ме-

бель меняем, грызем друг друга по мелочам. Не доходит! Осознается только ударом. Как в детстве, когда ты впервые встречаешься со смертью, она пронзает тебя насквозь стрелой. С этого, между прочим, все и начинается — самобман, самоуспокоение и т.д. И отрезвить людей ничто не может, кроме страха, ужаса от самих себя или зеркала, в котором — лицо самоубийцы.

Почему Германия покаялась и поднялась? Потому что побывала в объятиях смерти.

— Когда в нынешнюю Думу Россия выбрала большинство левых, вы уже ничего не крикнули. Поняли тщетность своих предостережений?

— Нет. Я все оценил трезво, холодно и пишу об этом — единственное, что я могу сделать.

— Вы не придаете большого значения своему участию в Президентском совете?

— Я три раза писал заявления об уходе из него. И все время чувствовал неловкость — ситуация каждый раз оказывалась неподходящей. Я могу просто уйти, но не демонстративно и не в критический момент. Но если есть хоть один шанс что-то сделать, то не по-мужски сейчас, перед политической дракой, умыть руки.

— Говорят, что на последнем заседании Совета ваше выступление было чрезвычайно резким.

— Я сказал то, что думаю. Но рассказывать об этом не могу — не имею права.

— Но высказать-то свою точку зрения по поводу президентских выборов можете? Как утверждают социологи, выбирать народу придется между Ельциным и Зюгановым. А по сути — между нынешней жизнью и коммунистическим реваншем.

— Если Борис Ельцин говорит, что ему нужно полтора-два года, чтобы страна окончательно встала на путь нормального развития, я ему верю. Но тогда так и нужно сказать народу: дайте мне два года, а потом я уйду, подготовив себе смену. Кроме того, на выборы президент должен идти с новой командой, и не только лично преданных ему людей. Тогда, думаю, он может рассчитывать на поддержку народа...

Юрий ЛЕПСКИЙ,
Ольга СОЛОМОНОВА.

Карякин борщ

15.04.96